

УДК 17.177

МОБИЛЬНОСТЬ КАК НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЕЖИ

Е.А. Евстифеева*, А.Ю. Харченко**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

**АНО «Международное Евразийское Движение», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.087

Статья посвящена философской концептуализации мобильности как новой антропологической реальности, как доминирующей модальности социального и личного бытия. Осмыслению подвергаются последствия мобильности, признания ее высшим смысловым приоритетам по отношению к традиционным духовно-нравственным ценностям. Мобильность вытесняет самоидентичность человека, культурный код дома и порождает номадологический способ бытия, фигуру кочевника, глобальную идентичность.

Ключевые слова: молодежь, мобильность, клиповое сознание, дом, номадологический проект бытия, фигура кочевника, самоидентичность, духовно-нравственные ценности.

Особый исследовательский интерес вызывает феномен мобильности, который становится антропологическим и социально-ориентированным способом бытия, спровоцированным наступлением глобализации, размывающей межгосударственные границы, цифровизации, пандемии COVID-19 [21; 28; 29,]. Социально-психологические исследования последних лет показывают, что молодежь выбирает в качестве приоритетной смысло-жизненной ориентации мобильность, номадологический проект бытия, фигуру кочевника [12]. Вне поля зрения остаются традиционные духовно-нравственные ценности, которые в разные социокультурные культурные эпохи были основой человеческого самоутверждения. Молодежь разрывает с традицией, ее духовно-нравственными ценностями, она уходит из обжитого пространства (этнос, нация, отечество) в необжитое глобальное пространство, в кочевничество, выбирая в качестве маяковой жизненной ценности мобильность. Молодежь выбирает мозаичную жизнь, мгновенье жизни, о которой О.Э. Мандельштам писал:

Немногие для вечности живут.
Но если ты мгновеньем озабочен –
Твой жребий страшен
И твой дом непрочен [19].

© Евстифеева Е.А., Харченко А.Ю., 2022

Вспоминается человек, преодолевающий свою природу благодаря ценностям и действиям, он бытийствует как человек и должен всем. Мобильность – маркер современной жизни. Ее онтологическое толкование парадоксально, мобильность противоречива, как движение и покой. Мобильность характеризует пространственные аспекты бытия. Она множественна, редуцируется или к простому (физическое) перемещению, или предстает как социокультурный акт осмысленности. Множественность мобильности, как всякая множественность говорит о том, что она бездонна и хаотична. Мобильность указывает на некий ресурс человека, инициирующий его мобильный капитал. Люди различаются в использовании мобильности, распределении мобильного капитала и возникающего чувства справедливости [14; 30].

В наличной социальной жизни мобильность – один из доминирующих способов антропологического, социального, личностного бытия, интегрирующий многие современные социальные практики. Мобильное бытие рискованно, оно влечет такие деструктивные последствия, как человеческая поляризация и конфронтация, неопределенность и хаос цивилизационного проживания, что сравнимо с такой болезнью как шизофрения, отсутствием порядка. Абсолютизация физических, социальных, поверхностных духовно-ментальных перемещений приводит к социальной безысходности, технологическому тупику, цивилизационной гибели, потери традиционных социокультурных и духовных кодов [2– 4; 6; 15; 23].

Социальная теория мобильностей, парадигма мобильности приложимы к объяснению человека, социальных групп, общества. Социологами, с одной стороны, демонстрируется высокая социальная значимость мобильности, когда различается цепочка «мобильность – адаптивность - успешность» [24; 25]. В других социологических исследованиях показано, что мобильность порождает нормальную «аномию», рискофобию и рискофилию [16; 17].

В антропологическом измерении мобильность – когнитивный ресурс и способность человека к саморазвитию. Мобильность – производная желаний человека к «освобождению», к свободе формировать некие пределы, границы. Проявляющаяся как психофизиологический процесс воля по преодолению таких ограничений служит цели адаптации. В онтологическом измерении мобильность предстает как готовность к метаизменениям, как инновационная активность, как гибкость мышления человека. В аксиологическом измерении мобильность видится как ценностно-смысловая установка.

На личностном уровне мобильность проявляется в коммуникациях и общении как интерактивность личностного и социального бытия. Наличие избранных личностных качеств, среди которых доверие, коммуникационный потенциал, толерантность к неопределенности инициирует синергию социального и личностного. Такая конфигурация субъектно-

личностных предикторов инициирует релевантный поведенческий код [26]. При высокой поведенческой гибкости, развитых коммуникативных способностях и навыках, чрезмерной доверительности, толерантности к неопределенности создается ценностный инвариант признания мобильности и коррелятивное клиповое мышление. Клип – это визуальное, а не понятийное мышление. Если клипы вытесняют самосознание, то субъект замещается наблюдателем. В акте визуализации нет индивидуализации, нет тайны. Клиповое сознание есть сознание номадической дистрибуции тел [8]. Продолжает такую коцептуализацию клипового сознания Д.А. Цуркан: «...через клип мир воспринимается сознанием фрагментарно, как монтаж непродуманных мыслей, как набор кадров, не связанных смыслом, мы сопоставляем такое сознание с феноменом суженного сознания, где ценностно-смысловые структуры модальности “Я” редуцируются к модальности “не-Я”. Происходит утрата рефлексивности через психоментальное погружение в виртуальное киберпространство, в нерелективную виртуальную нейрореальность, в ритуальный процесс обесмысливания смыслов, в “сетевой путь” с эффектом зависимости.носителем клипового (суженного) сознания является человек с характеристиками анонима, безличности, безразличности, инфантилизма, унификации. Риски клипового сознания – неспособность анализировать явления действительности, незащитность перед манипуляцией, утрата живого общения и чувства биофилии – превышают его плюсы (решение многозадачных ситуаций, защита от инфоперегрузки)» [27, с. 11–12].

Как социокультурное явление мобильность проблематизирует традиционные культурные коды человечества (культура, образование, мораль, право, семья, брак, пол и т. д.). Исчезает образ человека с его гуманистической платформой, духовными и веровательными символами, нравственными ценностями, свободой, ответственностью. Возникает вопрос о признании мобильности как новой антропологической альтернативы, как нового модуса цивилизации, способа человеческого существования [22].

Как показывают наши ранние исследования [26], выбор ценностей мобильности как смыслоприоритетных для жизни несопряжен с культурным кодом оседлых. Оседлые – это те, для которых дом не есть симулякр, а есть способ бытия как сущего и существования, как быта, как почвы. Дом – это то, что окружает, что является остановившимся и не нуждается во времени, но нуждается в пространстве, в границах. Настоящее не нуждается во времени. Дом является фундаментальной антропологической константой, он семантизируется живущими в нем. Дом отражает определенную эпоху с присущими ценностными приоритетами, этосом, эмоциональным настроением. Изменение коннотаций дома влечет изменение мировосприятия, культурной среды, индивидуализации и самоидентичности человека [18].

Выбор ценностей мобильности как смыслоприоритетных для жизни сопряжен с культурным кодом кочевников. Кочевники не знают код

быта, не различают дом, верх и низ, центр и окраины, левое и правое. Об этом, как о патовой ситуации, обозначающей, что у того, кто ходит, хода нет, рассуждает Ф.И. Гиренок: «В патовой ситуации неразличимостей все на одно лицо. Все маскаратно. Разрушение метанарраций создает бесконечный тупик. Ситуацию, в которой некуда ходить. Везде зеркала. Всюду мнимости. В ситуации неразличимостей выживают кочевники, способом существования которых является переходность. Жизнь – это метанаррация оседлых. Способ бытового различения. Символ оседлых – дом. В пространстве дома нет места постороннему, тому, кто создает симулятивное пространство культуры» [9, с. 250].

О потребности в номадизме как противоположности метафизической традиции (Платон-Гегель) и как опирающегося на радикально альтернативные презумции, высказались постмодернисты Ж. Делез и Ф. Гваттари [10; 11, с. 168]. Речь идет о ризоме («рассмотрение предметности в качестве аструктурной»), об ацентризме («трактовка пространства как децентрированного и открытого для территориализации»), о событийности («новое понимание детерминизма, основанное на идее принципиальной случайности сингулярного события»), о бинаризме («снятие самой возможности выделения оппозиции внешнего и внутреннего, прошлого и будущего, мужского и женского и т. п.»), о постметафизическом мышлении («придание феномену смысла проблематического статуса») [20, с. 526–527].

Современный молодой человек похож на кочевника и существует как элемент монады, высказывается Ф.И. Гиренок [7, с. 206]. Это утверждение находит свое объяснение в следующем. Кочевничество оформляется словесно, как стремление к новизне, к условности. Кочевник не является частью общества, он вне его границ и не нуждается в территориальных границах. Кочевник ориентируется не на пространство, а на время. В погоне за временем, в потоке времени ускользает реальность, т. к. кочевничество – не подлинное становление. У кочевника нет «настоящего», которое заточено на топос, замкнутость, проживание пространства.

Мобильность как модус и практическое бытие разрушает понятийное мышление, которое бинарно (причина–следствие, добро–зло, граница–центр, мужское–женское, культурное–дикое, земля–море). А у кочевников клиповое мышление, космополитический взгляд, дикость–безкультурье, что находит свое объяснение, когда: «Движение – все. Цель – ничто. Смена мест требует легкости. Необремененности. Легче всего диким. Они менее всего обременены почвой, традицией, культурой. Они начинают с нуля. И заканчивают нулем. И всякий раз заново... Кочевники – форма воспроизведения легкости в утяжеленных структурах быта оседлости. В кочевнике есть что-то детское. Несмысленное. В номаде показывает себя детскость современного мира. Кочевники вытаптывают мир, открывая в нем связи, недопускаемые рациональной

структурацией мира. Они маги магического. В них постаревшее человечество впадает в суету бездушного движения “туда-сюда”» [9, с. 237].

Как показали трансгрессивные эффекты пандемии COVID-19 пространственная мобильность социально и экзистенциально значима для человека. Изоляция и карантинные меры, как лишение свободы передвижения, принуждение к перемещениям воспринимаются негативно и являются формой поражения в правах. Но мобильность можно рассматривать и как чрезвычайный управленческий фактор [1]. И тогда она видится технологией формирования клипового мышления с глобальной идентичностью, фигуры кочевника, номадического проекта жизни. Она способна разрушить самоидентичность человека, которая укоренена в традиционные духовно-нравственные ценности (добро, любовь, свобода, справедливость, дом, семья и т. д.), в максимы духовности и ее практически-духовные символические формы.

Заметим, что нет монополии на изучение природы духа в религиозном или светском вариантах, нет у философии, науки, теологии, искусства. Все они различны в признании духовного опыта. Философский дискурс «в поисках духовного» категоризирует идеальное, знаковое, символическое, образное, умо-зрительное, отвлеченную рефлексивную и т. д. Духовное задает свою картину мира. С помощью знания, ума, мудрости. Практически-духовные формы, которые миропредставительны, понятийны, дескриптивны, когнитивны, всеобщы, как-то миф, религия, мораль, право, искусство, ограничены в своей единичности [13, с. 334–337]. Даже наука, так почитаемая сегодня в эпоху цифровизации и антропологического кризиса, не имеет познавательных эквивалентов духовному миру. Об этом писал М. Борн: «Мне... казалось, что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира – философии, поэзии, религии... теперь я смотрю на мою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления как на самообман» [5, с. 7].

В итоге, если мир воспринимается в проекции мобильности как ценностно-смыслового жизненного приоритета или бытия только «здесь и сейчас», то теряется перспектива выживания и развития. Антропологическое бытие без его духовно-нравственной поправки, без культурного кода оказывается в хаосе, неуправляемом потоке бытия. Как нам представляется, если культурным кодом, рефлексивной осью человека выбирается мобильность, глобальная идентичность, отказ от прошлого и настоящего, от традиционных ценностей, то человечеству грозит как минимум антропологический кризис с минимальным шансом выживания.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Ното sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. 147 с.
2. Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. 132 с.

3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
5. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 535 с.
6. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
7. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Проспект, 2019. 224 с.
8. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256 с.
9. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. М.: «Аграф», 1998. 416 с.
10. Делез Ж. Логика смысла. М.: Издательский Центр «Академия», 1995. 286 с.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато / пер. с франц. Я.И. Свирский. Екатеринбург: У-Фактория ; М.: Астрель, 2010. 892 с.
12. Евстифеева Е.А., Ульянов А.М., Филиппченкова С.И., Удалова Л.В. О ценностных приоритетах в самосознании российской молодежи // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. 2019. № 3 (48). С. 72–76.
13. Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Проспект, 2019. 418 с.
14. Карчагин Е.В. Справедливость в условиях пандемии COVID-19: мобильный капитал и новый социальный порядок // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 2. С. 31–38.
15. Кагельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 590 с.
16. Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 3–13.
17. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности: монография. М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
18. Лебедев В.Ю., Волкова Т.В. Дом и бездомье: к антропологии современного жилища // Человек. 2017. № 3. С. 105–121.
19. Мандельштам О.Э. Немногие для вечности живут.... М.: АСТ, 2018. 649 с.
20. Можейко М.А. Номадология / Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, 2002. 976 с.
21. Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирические исследования // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 4(8). С. 145–185.
22. Смирнов С.А. Антропология номадизма (Антропологические тренды и северный культурный код) // Человек. 2014. № 3. С. 5–17.
23. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
24. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 335 с.
25. Урри Дж. Мобильности / пер с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.

26. Харченко А.Ю. Конфигурация идентичностей и риск ответственности в социальных практиках мобильности: автореф. дисс. канд. филос. наук, М., 2017. 25 с.
27. Цуркан Д.А. Проблема человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Курск, 2021. 24 с.
28. Agamben G. A che punto siamo? L'epidemia come politica. Macerata: Quodlibet, 2020. 112 p.
29. Fuller S.A. Post-Truth Proactionary Look at the Pandemic // Postdigital Science and Education. 2020. V. 2, № 3. P. 551–555.
30. Sheller M. Mobility Justice: The Politics of Movement in an Age of Extremes. L., N.Y.: Verso, 2018. 224 p.

MOBILITY AS A NEW ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE AND YOUTH'S VALUE CHOICE

Е.А. Evstifeeva*, А.Ю. Kharchenko**

*Tver State Technical University, Tver

**International Eurasian Movement, Moscow

The article is devoted to the philosophical conceptualization of mobility as a new anthropological reality, as the dominant modality of social and personal existence. The consequences of mobility, its recognition as the highest semantic priority in relation to traditional spiritual and moral values, are subject to comprehension. Mobility displaces the self-identity of a person, the cultural code of the house and gives rise to a nomadological way of being, the figure of a nomad, a global identity.

Keywords: *youth, mobility, clip consciousness, home, nomadological project of being, figure of a nomad. self-identity, spiritual and moral values.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующая кафедрой психологии и философии; ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

ХАРЧЕНКО Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, руководитель департамента Ближнего Востока и Северной Африки АНО «Международное Евразийское Движение», г. Москва. E-mail: andrewflamenko@mail.ru

Authors information:

EVSTIFEEVA Elena Alexandrovna – PhD, Professor, Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department of Psychology and Philosophy; Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

KHARCHENKO Andrey Yurievich – PhD, Head of the Department of the Middle East and North Africa of the International Eurasian Movement, Moscow. E-mail: andrewflamenko@mail.ru